

Alexei Miller, Stefan Berger (eds.). *Nationalizing Empires*.
Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p.

В рецензируемой книге ставится задача пересмотреть доминирующее в научном дискурсе представление о взаимоотношениях между империями и национализмом. Анализируя процессы нациестроительства, проходившие в ядре европейских империй в течение долгого XIX в., авторы приходят к выводу о том, что формирование наций и строительство империй были тесно связаны, империи были активными участниками процесса nation-building, а национализация империй была одной из составляющих их модернизационной стратегии.

Ключевые слова: империя, нация, нациестроительство, колониализм, идентичность, раса.

Несколько лет назад, будучи в Киеве, я купил там специальный номер журнала “Weekly.ua”, посвященный 20-летию украинской независимости. На его обложке было помещено изображение знаменитой скульптуры Лаокоона с сыновьями, борющимися со змеями. Как объяснялось в редакционной колонке, композиция символизировала угнетенные народы Советского Союза, которые «сражались с огромной империей», стремясь «вырваться из ее пут». Готовя рецензию, я вспомнил об этом эффектном образе, потому что он наглядно демонстрирует то, как сегодня обычно воспринимается любая империя — как «тюрьма народов», которая рано или поздно должна быть разрушена ради появления на ее обломках «нормальных» национальных государств.

Отношение к национальному государству как к нормативному идеалу, а к империи как к чему-то архаичному является сегодня практически общим местом, к такой постановке вопроса, казалось бы, располагает вся история XX в. — крах континентальных империй в ходе Первой мировой войны, затем деколонизации второй половины столетия, наконец распад СССР и Югославии. Однако в последние годы в академической среде растет количество исследователей, которые

Денис Эдуардович Летняков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы / Институт философии РАН,
Москва
letnyakov@mail.ru

пытаются проблематизировать привычную оппозицию «империя — нация» и, в частности, анализируют феномен нациестроительства в имперском контексте.

Среди зарубежных ученых можно назвать известного американского историка Рональда Суни, который отмечает, что «империализм гораздо чаще создает условия и стимулирует конструирование новых наций, чем подавляет нациестроительство и национализм» [Суни 2004: 172], а среди российских исследователей — коллектив, сформировавшийся вокруг журнала “Ab imperio”. Большинство работ, представленных на страницах этого журнала, объединяет общая методологическая установка, в основе которой — попытка совместить *nationalism studies* и *imperial studies*, «осмыслить империю и нацию не как воплощенные в реальности политические и социальные явления, а как категории анализа, которые позволяют описывать отличные векторы исторического процесса и диспозиции исторических сил» [Герасимов, Могильнер, Семенов 2010: 12].

И, конечно, одним из пионеров обозначенного подхода в России является историк А.И. Миллер, много писавший об империях как «инкубаторах модерна», внутри которых вызревали национальные государства [Миллер 2008: 25–58; 2010; 2000]. Именно он и выступил одним из главных вдохновителей, а также соредакторов (вместе со Штефаном Бергером) рецензируемой книги, которая стала результатом многолетней работы целой группы историков, специализирующихся на изучении империй и империализма, колониализма, национализма, расизма и т.д.

Основная теоретическая задача книги, которая формулируется на первых страницах, — «пересмотреть отношения между национальными государствами, национализмом и империями в европейской истории» (Р. 2). Вошедшие в коллективный труд тексты фокусируются на процессах нациестроительства, проходивших в ядре европейских империй в течение долгого XIX в. Они делают акцент на различных аспектах имперского *nation-building*, так или иначе помогая обосновать две ключевые идеи, которые являются сквозными для всей книги:

(а) Нацие- и имперостроительство были взаимосвязанными процессами, поэтому формирование наций в Европе не может быть адекватно осмыслено вне имперского контекста, ведь империи принимали активное участие в строительстве наций.

(б) Национализация империй была одной из составляющих процесса их модернизации, приспособления к новым вызовам, повышения их конкурентоспособности в соревновании с другими великими державами. Соответственно, нациестроитель-

ство вполне может рассматриваться как часть сознательной *имперской* стратегии в эпоху национализма. Как отмечают во введении А. Миллер и Ш. Бергер, сам феномен «имперского национализма», развивавшегося в ядре империй, ставит под сомнение известное определение национализма Э. Геллнера как политического принципа, требующего совпадения культурных и политических границ [Геллнер 2002: 198]. В противоположность геллнеровскому принципу проекты национального строительства в метрополии были нацелены вовсе не на распад империй и образование отдельных национальных государств (такowymi могли быть задачи периферийных национализмов), а на сохранение, укрепление и дальнейшее расширение империй.

Переходя к разбору самих текстов, стоит сразу сказать, что выбор конкретных империй в качестве объектов исследования вызвал некоторые вопросы. Редакторы сознательно ограничились европейскими империями (отнеся сюда также Россию и Турцию), и это вполне оправданно: на выходе и так получился весьма объемный фолиант. Однако выбор внутри собственно европейского континента кажется небесспорным. Скажем, в книге нашлось место для Дании, но отсутствует глава о Голландии и даже Португалии, старейшей европейской империи.

Начинается же книга с текста Нила Эванса, написавшего главу о Великобритании. В ней Эванс показывает, каким образом заморская империя определяла процессы, происходившие в метрополии. Это влияние касалось экономики (индустриальная революция вряд ли состоялась бы без развития колониальной торговли), политики (военные победы в колониях часто были мощным ресурсом электоральной поддержки для правящей партии) и социальной сферы (введение пенсионной системы в Австралии и Новой Зеландии в начале XX в. вело к появлению соответствующих инициатив в самой Британии, актуализировало соответствующие дебаты в обществе). Кроме того, империя воздействовала на формирование идентичностей жителей Британских островов. Противопоставление империи, которая выступала в качестве Другого (иной климат, расово иное население, другие политические порядки и пр.), позволяло «вообразить» метрополию, очертить ее ментальные границы и помогало формированию концепции четырех британских наций, каждая из которых по-своему совмещала национальную идентичность с «британскостью» и имперским сознанием (если шотландцы с гордостью называли себя «северными британцами», а свою столицу Глазго — «вторым городом империи», то Ирландия оставалась наиболее неинтегрируемой частью Соединенного Королевства и угрожала самой идее «британскости»).

Две главы в книге касаются Франции. В первой из них Майкл Броерс анализирует феномен Наполеоновской империи 1799–1815 гг., демонстрируя, что ее идеологической основой был французский национализм, чувство непохожести (“otherness”) французов на другие европейские народы, которое проистекало из сознания своего культурного превосходства: французы, которые первыми низвергли «старый порядок», создали прогрессивные институты, воплощенные в Гражданском кодексе, и одержали блистательные военные победы под командованием Наполеона, несли цивилизаторскую миссию другим европейским народам, экспортируя завоевания Французской революции. Этот дискурс культурного шовинизма Броерс реконструирует по письмам, воспоминаниям представителей французской элиты наполеоновского времени, которые путешествовали или оказывались по долгу службы в Германии, Италии, Испании и других европейских странах. Интересно при этом, что ядро наполеоновской империи вовсе не совпадало с политическими границами Франции: такая же цивилизаторская миссия, по мысли французской элиты, должна была быть осуществлена Парижем в отношении Вандеи, Лангедока и других «отсталых» французских регионов.

В свою очередь, Роберт Олдрич имеет дело преимущественно с Францией времен Третьей республики. Он акцентирует внимание на соотношениях и взаимосвязях регионального, национального и имперского сознания, на переплетении провинциальных идентичностей с общефранцузским патриотизмом и имперским национализмом в период с 1870 по 1940 гг.

Пропагандистам империи во Франции удалось сформировать поддержку имперских проектов среди широких масс, внедрить идеологию империализма на уровень местных сообществ через создание различных географических обществ, журналов, коллекций книг, через школьное обучение, колониальные музеи, выставки экзотической флоры и фауны, установку памятников колониальным деятелям и т.д. При этом многие местные элиты увидели в колониальной экспансии ресурс для повышения статуса и развития своих регионов, которые могли включиться в имперское предприятие в качестве центров торговли, промышленного производства, миссионерской деятельности и т.д. Для таких городов, как Нант, Бордо, Лион и Марсель, колониализм стал конституирующей частью их региональной идентичности и в то же время помог определить их место в рамках единой французской нации (например, между двумя последними городами шло соревнование за звание «колониальной столицы Франции»). Таким образом, империя способствовала объединению прежде разрозненных регионов и помогала

«вообразить» французскую нацию по контрасту с расово отличными колониями.

Похожий ракурс используют Дэвид Лейвен и Эльза Дамьен в главе, посвященной Италии. Они анализируют, как влияли попытки Италии осуществить колониальную экспансию на Балканах и в Средиземноморье с конца XIX в. до 1943 г. на формирование национальной идентичности в Венеции, жители которой, как, впрочем, и большинство остального населения Апеннин, поначалу вовсе не испытывали энтузиазма от объединения страны. Как следует из текста, с началом большой имперской игры итальянские элиты начинают искать какое-то историческое обоснование для своих колониальных захватов. Оно было найдено в средневековом периоде, когда Венеция и Генуя доминировали в Средиземноморье и владели большими территориями за пределами Апеннин, в том числе теми, на которые нацеливалось итальянское государство после 1871 г. (Далмация, Албания). Задача проникновения Италии в бывшие венецианские владения, воспоминания о тех временах, когда Венеция играла роль «щита христианства» и западной культуры против турецкой экспансии, представление об особом месте Венеции в итальянской истории позволили конвертировать гордость венецианцев за имперское прошлое своего города в чувство национальной гордости. Так венецианская региональная / городская идентичность соединялась с общеитальянской.

В разделе, касающемся другой страны Южной Европы, Испании, Хосе Мануэль Нуньес показывает, что имперский контекст мог быть определяющим не только для nation-building, но и для “nation-destroying” (т.е. процесса разрушения нации). В испанском случае успех антиколониальных движений в колониях, а также поражение страны в войне с США в 1898 г. и потеря последних заморских владений — Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин — привели к активизации регионалистских движений в метрополии. Лояльности многих людей стали смещаться с национального на субнациональный уровень, каталонцы, баски и галисийцы разочаровались в испанском национальном проекте под эгидой Мадрида и стали смотреть на Испанию как на исторического банкрота, проигравшего конкуренцию с другими великими державами, тем более что распад империи серьезно задевал их экономические интересы. Например, для каталонской буржуазии, связанной с выращиванием хлопка и текстильной индустрией, очень существенной была потеря кубинского рынка.

Штефан Бергер в главе о кайзеровской Германии обозначает ее одновременно как «империализирующееся национальное

государство» (“imperializing nation”) и «национализирующуюся империю» (“nationalizing empire”), т.е. как политику, которая старалась сформировать нацию через империю и параллельно стать империей, построив нацию в своем ядре. Бергер напоминает, что 1871 г. вовсе не стал моментом *завершения* немецкого нацистроительства, поскольку перед новым государством, объединенным под властью Пруссии, стояла задача нивелировать региональные лояльности (в ряде немецких государств, например в Баварии, после 1815 г. предпринимались попытки запустить собственные проекты нацистроительства), переопределить идею «немецкости», вычеркнув отсюда Австрию, которая долгое время воспринималась как ключевое немецкое государство, превратить Берлин в подлинно национальную столицу Германии (Гогенцоллерны в непрусских частях страны продолжали ассоциироваться конкретно с Пруссией, а не с Германией вообще). И большую роль в процессах немецкого нацистроительства сыграла империя, которая помогла немцам определить свое национальное ядро, в т.ч. с помощью идеи расы. Дискурс германского колониализма был тесно связан с расовым дискурсом: «слабая» славянская раса в Восточной Европе, в отношении которой немцы имеют цивилизационную миссию привнесения великой культуры, «неполноценная» черная раса в Африке, с которой немцам ни в коем случае нельзя смешиваться, и т.д. Идеи культурной миссии Германии на Востоке Европы, конструирование этнически и расово Других позволяли вчерашним баварцам, швабам, саксонцам и другим почувствовать себя единой немецкой нацией.

Глава, написанная Алексеем Миллером, разумеется, касается России. Он среди прочего анализирует, как развивается в русском национализме XIX — начала XX в. идея русской «национальной территории», которая вовсе не совпадала с границами Российской империи: как после польского восстания 1830—1831 гг., давшего толчок к национализации империи, возникает дискурс, обосновывающий «исконную русскость» земель современной Украины и Беларуси и рассматривающий их жителей как части единого русского народа; как происходит процесс символического «присвоения» территорий русским национализмом на юге и востоке империи (Поволжье, Сибирь, Северный Кавказ). В последнем случае доминировала идеология о том, что эти пустые или заселенные «иногородцами» земли имеют русский характер, поскольку русские их освоили и цивилизовали. Важную роль в этом процессе играла миграция сельского населения — в Новороссию, Поволжье, Сибирь, на Северный Кавказ и Дальний Восток едут сотни тысяч русских крестьян, которые радикально меняют этнический баланс

этих регионов, ведут их к русификации и помогают воспринимать эти территории как часть русского национального ядра в рамках империи.

В этом смысле полезно вспомнить, что Волга становится «великой русской рекой» никак не ранее 1870-х гг., а Сибирь из азиатского колониального владения превращается в русскую землю лишь к концу XIX в. В этой связи важны были и масштабные имперские проекты вроде Транссиба, которые обеспечивали колонизацию соответствующей инфраструктурой и связывали воедино различные части страны, помогая «воображать» их как национальные русские.

Миллер отмечает, что русский национализм не имел равных в деле успешной «национализации» огромных территорий в своих имперских границах. В то же время запаздывание модернизационных процессов в России (низкий уровень урбанизации, слабое развитие системы образования, отсутствие эффективной бюрократии и пр.) не позволило обеспечить процесс имперского нациестроительства необходимыми ресурсами, и к началу Первой мировой войны в стране так и не сложилось мощного национального ядра.

Задача нахождения национального ядра по понятным причинам всегда является более сложной для континентальных, чем для морских империй. В случае с Габсбургской монархией, как следует из главы Адреа Комлоши, проблема усугублялась повышенной этнической сложностью империи, где немцы составляли лишь около 25 % населения, а также ситуацией, при которой после поражения от Пруссии в 1866 г. Австрия была исключена из процесса объединения немецких земель. Последнее привело к кризису идентичности у немецкоговорящих жителей Австрии, в которых габсбургские элиты видели основу империи. Часть их считала себя *австрийскими немцами* и продолжала отстаивать идею Большой Германии, которая включала бы в себя все без исключения немецкие земли (это, однако, подрывало имперский принцип, так как по той же логике объединения со своими «собратьями» в соседних государствах могли искать итальянцы, румыны, поляки и т.д.). Другим же базовым вариантом было обозначение своей идентичности в качестве *немецких австрийцев*, тем самым подчеркивалось отличие «австрийскости» от «немецкости». Надо сказать, что, по большому счету, эту проблему австрийцы окончательно решили для себя только после Второй мировой войны, сделав выбор в пользу собственного национального проекта.

Интересно также, что Комлоши проблематизирует расхожее представление о двух противоположных типах национальной политики, сложившихся после образования дуалистической

монархии в Австро-Венгрии. Обычно в литературе мультиэтнический плюрализм Цислейтании противопоставляется стратегии по мадьяризации населения в Транслейтании. В реальности же, отмечает Комлоши, австрийская мультиэтничность имела свои пределы.

С одной стороны, в Цислейтании немецкий язык никогда не переставал быть ведущим языком, открывавшим путь в высшую администрацию, науку и политику, доминировавшим в официальной гражданской сфере и армии. А потому, хотя идея «австрийскости» в теории подразумевала то, что мы сегодня называем гражданским национализмом, т.е. лояльность всему политическому сообществу (в Конституции 1867 г. провозглашались «равные права всех родных языков»), на практике немецкоговорящим подданным империи было гораздо легче идентифицировать себя с Австрией, чем остальным. «Австрийскость» была тесно связана с немецким языком, что подрывало мультинациональный характер австрийского общества и мешало Цислейтании стать союзом равных наций под управлением общего суверена.

С другой стороны, несмотря на политику мадьяризации, проводимую венгерскими элитами в своей части империи, этноязыковой ландшафт в Транслейтании все равно оставался довольно плюралистичным. Особо жесткие формы мадьяризация языковой сферы приняла только около 1900 г., однако эффективной она была в основном в городах, где проживало меньшинство населения, тогда как в сельской местности оставались возможности для использования родного языка. Кроме того, сохранению сербского и румынского языков помогало существование в Габсбургской монархии православной церкви, которая использовала соответствующие языки в богослужении, а поощрение смешанных браков между венгерским и немадьярским населением, которое должно было обеспечить ассимиляцию последнего в венгерскую культуру, обернулось на деле билингвизмом во многих таких семьях.

Завершая тему великих континентальных империй, Говард Эйзенштат обращается к процессу поиска новых форм политической легитимности в поздней Османской империи. Этот процесс стал частью более широкой задачи по модернизации Порты, которая была начата в эпоху Танзимата (1839–1876) в ответ на вызовы со стороны европейских великих держав и включала в себя инфраструктурные, военные, административные, законодательные и прочие реформы. Поиск новых форм легитимности предполагал три возможные стратегии: это формирование идеологии «османизма» (гражданского национализма, основанного на идее общей османской идентич-

ности), попытка более активной опоры на исламскую религию (в том числе панисламизм), а также тюркизм (этнический, а не гражданский вариант турецкого национализма).

На деле же имело место переплетение, развитие всех упомянутых форм идентичности. Поначалу акцент делался на османизме, в частности были предприняты энергичные попытки стереть наиболее важное различие между подданными турецкого султана — религиозное. Скажем, если ранее призыву в армию и на флот подлежали лишь мусульмане, а остальные жители империи должны были вместо этого платить особый налог, то теперь воинский призыв стал всеобщим; был провозглашен принцип равенства в судах для мусульман и немусульман; началась кооптация немусульман в ряды гражданской бюрократии (для них была установлена квота в 33 % в учебные заведения, которые готовили будущую административную элиту). Османская конституция 1876 г. установила равные права и обязанности для всех подданных. Это были важные шаги по укреплению единства империи, ведь мусульман в 1820-е гг. было менее 60 % среди всех подданных султана.

Однако параллельно с этим перед лицом развития национальных движений среди христианского населения, потери большинства балканских территорий, притока оттуда беженцев-мусульман и превращения впервые за 600 лет мусульман в подавляющее большинство населения империи в официальной идеологии Порты увеличивается компонента, связанная с исламом. Кроме того, во многом под влиянием европейских идей появляется концепция «турецкости» как этнической категории, в правление Абдул-Хамида II (1876–1909) турецкий национализм уже рассматривался многими из элиты как желательная идеологическая основа для Османского государства, турецкий язык начинает превращаться в язык правящего класса. Этнический компонент был еще более усилен в идеологии младотурок, которые рассматривали Анатолию как ядро империи и в годы Первой мировой войны проводили печально известную политику геноцида и этнических чисток.

Глава Уффе Остергарда, посвященная Дании, на первый взгляд смотрится совершенно неорганично в книге о европейских империях. Мы привыкли воспринимать Данию как маленькое уютное государство, свободное от великодержавных амбиций. Однако автор напоминает, что еще в XVIII в. Дания контролировала почти половину европейского атлантического побережья и западную часть Балтийского моря. Страна сумела построить «североатлантическую империю», которая включала в себя современную Норвегию, немецкоязычное герцогство Гольштейн, Исландию, Гренландию, Фареры, а также имела

небольшую колониальную империю с подконтрольными территориями в Вест-Индии, Африке и Индии и играла важную роль в трансатлантической торговле (в том числе в торговле чернокожими рабами). Формально Дания никогда не называлась империей, но де-факто это было сложносоставное государство (“composite state”) с полиэтничным населением, которое говорило минимум на восьми языках.

Остергард объясняет, как рост датского национализма в «Ольденбургской империи» (а именно стремление заменить немецкий язык датским в качестве основного языка культуры, администрации и военного командования), а также попытка датской элиты инкорпорировать Шлезвиг и Гольштейн в состав государства в качестве его неотъемлемой части вызвали ответную реакцию немецкого национализма и стали важнейшим фактором разрушения полиэтничного государства.

Кроме того, в главе уделено место рассказу о зарождении национализмов в Северной Европе (затрагиваются темы вызревания отдельной норвежской национальной и языковой идентичности, закончившейся отделением Норвегии от Дании в 1814 г., начала национального движения на Фарерских островах в конце 1880-х гг. и пр.).

Помимо основной части книги, куда вошли описанные мною главы по истории европейских империй, особенностью сборника является наличие раздела «Комментарии», насчитывающего около ста страниц. По сути, это пять небольших очерков, которые представляют собой размышления по поводу проблем, так или иначе поднимавшихся в рецензируемом труде, а также по поводу самих текстов из основной части.

Среди показавшихся мне наиболее интересными отмечу, во-первых, эссе Альфреда Рибера, посвященное национализации такого ключевого имперского института, как армия. В очерке рассматриваются армии России, Габсбургской монархии и Османской империи в период с XVII в. до Первой мировой войны. Все три великие державы в обозначенный период соперничали между собой, и национализация армии была одним из способов укрепления власти элит внутри самих империй, а также повышения их эффективности во внешнеполитической борьбе. Тем самым еще раз высвечивается роль национализма как одного из инструментов модернизации империй.

Далее Джон Леонард рассматривает процесс распада многонациональных империй в ходе Первой мировой войны — события, которое на протяжении всего XX в. принималось как неотвратимое именно в силу *самого факта многонационально-*

сти этих политических образований. Леонард же показывает, что национальный фактор, взятый сам по себе, не объясняет краха империй. В реальности имела место комбинация продовольственного кризиса, военных поражений и общей усталости от войны. Это привело к тому, что социальные и экономические конфликты были этнизированы. Кроме того, в ходе войны произошла эрозия традиционных символов легитимности в виде монархии, правящей династии и пр., на которых прежде держались эти политии. Наконец, Доминик Ливен, отчасти развивая идеи, изложенные в основной части книги, отчасти вступая с их авторами в дискуссию, анализирует отношения между империями и территориями, которые образовывали их национальное ядро, в ходе долгого XIX в.

Подводя итоги, можно сказать, что заявленная авторами книги задача — посмотреть на то, как европейские империи создают нации в своем ядре, как они адаптируются к идеологии национализма в течение XIX в. и как национализм возникает и развивается в имперском контексте, — была решена вполне успешно. В книге собран огромный фактологический материал по сравнительной истории империй, убедительно показывающий, что можно говорить не только о феномене *“nationalizing state”* вслед за Р. Брубейкером [Брубейкер 2012: 272], но и о феномене *“nationalizing empire”*. Ясно, что контрпродуктивно говорить об имперском и национальном, взятыми в изоляции друг от друга, и тем более рассматривать их как прямые противоположности. Ведь именно империи в XIX в. создают массовые армии, активно осуществляют урбанизацию, строят железные дороги, открывают школы, т.е. делают все то, что классики *nationalism studies* от К. Дойча до Б. Андерсона считали необходимой предпосылкой наступления эпохи национализма. Кроме того, империи часто выступали идеологической основой процесса нациестроительства: воспоминания о великом имперском прошлом либо желание завоевать «место под солнцем» для своего народа в ходе колониальной экспансии могли являться важной составляющей националистической агитации.

Однако и национализм мог обеспечивать империи необходимыми идеологическими ресурсами. Вспомним, что рост националистических настроений позволил мобилизовать европейские общества для участия в межимперской схватке в ходе Первой мировой войны. Кроме того, природа таких имперских институтов, как школа, бюрократия, армия и т.п., могла существенно меняться под воздействием националистического дискурса. А идеи расового превосходства и цивилизационной миссии какого-то народа могли служить развитию как национализма, так и империи.

Поскольку взаимное влияние империи на национализм и национализма на империю было действительно всеобъемлющим и многосторонним, выход книги “Nationalizing Empires” можно считать большим вкладом в процесс дальнейшего изучения обоих феноменов.

Библиография

- Брубейкер Р.* Этничность, миграция и государственность в Европе после холодной войны // Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. С. 266–289.
- Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.
- Герасимов И., Могильнер М., Семенов А.* Введение. В поисках ясности в исторической природе национализма и империи // Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. (ред.-сост.). Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 7–26.
- Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛО, 2010. 316 с.
- Миллер А.И.* История империй и политика памяти // Миллер А.И. (ред.). Наследие империй и будущее России. М.: Фонд «Либеральная миссия»; НЛО, 2008. С. 25–58.
- Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 267 с.
- Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Герасимов С.В., Глебов С.В. и др. (ред.). Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 163–198.

Денис Летняков

Review of Alexei Miller and Stefan Berger (eds.), *Nationalizing Empires*. Budapest and New York: CEU Press, 2015, 692 pp.

Denis Letnyakov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo pr., 82/9, Moscow, Russia

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

letnyakov@mail.ru

This work seeks to reexamine the idea still dominating in the academia about opposed interrelations between empires and nationalism. Having researched the processes of nation-building that took place at the core of European empires during the course of 19th century, the authors come to the following conclusions: nation and empire-building processes were intertwined; empires were active participants of nation-building; the nationalisation of empires was a part of their modernisation strategy.

Keywords: empire, nation, nation-building, colonialism, identity, race.

References

- Brubaker R., 'Ethnicity, Migration, and Statehood in Post-Cold War Europe', Seymour M. (ed.), *The Fate of the Nation-State*. Montréal; Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2004, pp. 357–374.
- Gellner E., 'The Coming of Nationalism and Its Interpretation: The Myths of Nation and Class', Balakrishnan G. (ed.), *Mapping the Nation*. London; Brooklyn, NY: Verso, 1996, pp. 98–145.
- Gerasimov I., Mogilner M., Semenov A., 'Vvedenie. V poiskakh yasnosti v istoricheskoi prirode natsionalizma i imperii' [Introduction. In Search of Clarity on the Historical Nature of Nationalism and Empire], Gerasimov I., Mogilner M., Semenov A. (eds.), *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2010, pp. 7–26. (In Russian).
- Miller A. I., *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays in Historical Research Methodology]. Moscow: NLO, 2010, 316 pp. (In Russian).
- Miller A. I., 'Istoriya imperii i politika pamyati' [The History of Empires and the Politics of Memory], Miller A. I. (ed.), *Nasledie imperii i budushchee Rossii* [The Legacy of Empires and the Future of Russia]. Moscow: Liberalnaya missiya; NLO, 2008, pp. 25–58. (In Russian).
- Miller A. I., "Ukrainskii vopros" v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) [The "Ukrainian Question"

- in Official Policy and Russian Public Opinion (the Second Half of 19th century)]. St Petersburg: Aleteya, 2000, 267 pp. (In Russian).
- Suny R., 'Dialektika imperii: Rossia i Sovetskii Soyuz' [Dialectics of Empire: Russia and the Soviet Union], Gerasimov I. et al. (eds.), *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: Tsentr issledovaniia natsionalizma i imperii, 2004, pp. 163–198. (In Russian).